

**ТЕКСТЫ ДИКТАНТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ПО ОСНОВНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ
ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
в 2019 году**

Вариант № XXX

Лесное озеро

За придорожным кустарником поднимался смешанный лес. С левой стороны таинственно поблёскивала чёрная вода. Мы ждали только тропинки, чтобы устремиться по ней в глубину леса и узнать, что там. И вот тропинка попалась.

Не успели мы сделать по ней двухсот шагов, как залиvistое злое тьяканье собачонки остановило нас. Невдалеке стояла изба лесника. Лесник пригласил нас в дом и хотел распорядиться насчёт стола. Но мы сказали, что нам ничего не нужно и что мы свернули с большой дороги единственно затем, чтобы узнать, что за вода блестит между деревьями.

Вода началась шагах в пятидесяти от порога, но гораздо ниже его, так как дом стоял на бугре. Узкая лодка, на которую мы сели, была настолько лёгкая, что под тяжестью четырёх человек погрузилась в воду по самые края. Необыкновенной красоты озеро окружило нас. Тёмно-зелёные дубы и липы, которыми заросли озёрные берега, четко отражались в неподвижной воде. Редкие и ясные, словно звёзды, покоились на воде цветы белых лилий. Так резко оттенялся каждый цветок чернотой озёрного зеркала, что мы замечали его обыкновенно за двести, за триста метров.

(172 слова)

(По В. Солоухину)*

*Владимир Алексеевич Солоухин — русский советский писатель и поэт, видный представитель «деревенской прозы». В своей публицистике конца 1950-х — начала 1960-х годов писатель высказывался как русский патриот, указывал на необходимость сохранения национальных традиций, размышлял о путях развития русского искусства.

Вариант № XXX

Поэзия слова

Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но общение с лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины.

Должно быть, у каждого человека случается своё счастливое время открытий. Случилось и у меня одно такое лето открытий – лето, обильное грозами и радугами.

Прошло это лето в гуле сосновых лесов, журавлиных криках, в белых громадах кучевых облаков, игре ночного неба. В воинственных петушинных воплях и песнях девушек среди вечеряющих лугов, когда закат золотит девичьи глаза и первый туман осторожно курится над омутами.

В это лето я узнал заново – на ощупь, на вкус, на запах – много слов, бывших до той поры хотя и известными мне, но далекими и непережитыми.

Я, конечно, знал, что есть дожди морозящие, слепые, обложные, грибные, спорые дожди, идущие полосами – полосовые, косые, окатные дожди и, наконец, ливни. Но только тогда все эти слова, определяющие дожди, оживают, крепнут, наполняются выразительной силой, когда эти дожди испытаешь на себе и поймешь, что в каждом из них заключена своя поэзия.

(185 слов)

(По К. Паустовскому)*

*Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — русский писатель и публицист, мастер лирико-романтической прозы, автор произведений о природе, исторических повестей, художественных мемуаров.

Вариант № XXX

Маэстро

Так называют замечательного певца — соловья. Действительно, песню его нельзя спутать ни с какой. Раз услышав, её уже нельзя забыть. И естественно, людям кажется, что такой голос должен быть у необыкновенной птицы. Многие представляют себе соловья в виде какой-то сказочной жар-птицы. И очень удивляются, когда видят перед собой небольшую птичку с тёмными глазками и довольно длинными, стройными ножками. Окрашена птичка скромно, и трудно предположить, что это её голос заставляет учащённо биться сердца даже у равнодушных к природе людей. Что же говорить о любителях природы, о художниках, музыкантах, певцах? Эта скромная птичка вдохновляла композиторов и поэтов всех времён и народов.

А любители соловьиного пения (их было всегда много на Руси) с нетерпением ждали времени, когда у берёзы развернётся лист. Уже давно распевают жаворонки над полями, уже звенит лес от песен зябликов. Но вот настало время, когда соловей, как говорили в народе, сможет напиться воды с берёзового листка.

Поёт соловей долго, ночи напролёт. Есть и настоящие «великие маэстро»: у них в песне до сорока коленцев (обычно же десять-пятнадцать). И если в каком-нибудь лесу появляется такой мастер, другие, быстро усваивая его умение, тоже становятся мастерами.

(182 слова)

(По Ю. Дмитриеву)*

*Юрий Дмитриевич Дмитриев (настоящая фамилия Эдельман) – известный писатель-натуралист. Его первая книга «Зеленый патруль» посвящена теме защите природы. Многотомной энциклопедии Ю. Дмитриева «Соседи по планете» в 1982 году была присуждена Международная Европейская премия.

Вариант № XXX

Русский лубок

Не менее трёхсот лет известны в народе лубочные картины. Может быть, за эти три века картина дала русскому деревенскому человеку гораздо больше, чем книга. Чтобы прочитать книгу, надо было знать грамоту, чтобы видеть картину, надо было иметь только глаза.

Лубочная картина на Руси своими корнями уходит в далёкое прошлое. Первоначально лубок служил лишь для украшения царских палат и боярских хором.

Как печатался в старину лубочный товар? Всегда в одну краску (чёрную) и всегда на очень плохой серой бумаге. В таком виде картины поступали в раскраску от руки, чем в зимнее время занимались деревенские жители. Конечно, эта раскраска производилась до невероятности грубо. Красили заячьей лапкой по ногам и по носам. По своему качеству это походило на обыкновенное детское раскрашивание картинок, когда нос у солдата мог быть синий, а сапоги — красные.

Русская лубочная картина немало послужила и отечественной истории. О событиях государственной важности (войны, перемена государей, присоединение новых областей) русская деревня узнавала не только из «высочайших манифестов». Безграмотный крестьянин, затерянный в дебрях сибирской тайги или муромских лесов, узнавал о многих событиях только тогда, когда ему говорила об этом картина.

(179 слов)

(По И. Сытину)*

*Иван Дмитриевич Сытин – крупнейший книгоиздатель России, выпускал массовыми тиражами дешёвые издания русских и зарубежных литературных классиков, многочисленные наглядные пособия, учебную литературу для учебных заведений и внеклассного чтения, научно-популярные серии, рассчитанные на разнообразные вкусы и интересы, красочные книжки и сказки для детей, детские журналы, а также журнал "Вокруг света".

Вариант № XXX

Русское богатство

Зимой одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года Шишкин оканчивает последнюю свою картину «Корабельная роща» — одно из самых больших по размеру, самых величественных по замыслу, самых сильных чувством и самых совершенных своих творений.

Кажется, до самого неба поднимаются могучие сосны. Не охватишь взглядом! Недаром Шишкин так их написал, чтобы вершины деревьев — тех, что впереди, — не уместились на холсте. Такие отборные, стройные сосны шли на строительство кораблей. Оттого и роща — корабельная. А рядом с могучими великанами тянутся кверху тонкие, молодые сосенки — зелёная семья.

Деревья ярко освещены солнцем. Солнечный свет словно омывает, оглаживает прямые, крепкие золотистые стволы. А справа деревья теснятся, набегают одно на другое, сливаются в густую зелёную чащобу.

Из глубины рощи течёт нам навстречу мелкий ручей. Сквозь прозрачную воду желтеет песчаное дно.

Разлапистые ветви, хвоя, яркая и тёплая на свету и мрачная в тени, прозрачная вода, серый камень, зелёная трава, серо-зелёный мох, подмытый потоком берег, выбравшиеся из-под земли наружу кривые корни — всё замечает взгляд живописца. Но при этом художник помнит о главном, ради которого задумал и писал картину.

А главное на картине — русский лес. Стройные, сильные стволы, чуть ли не до самого неба.

(184 слова)

(По Ю. Дмитриеву)*

*Юрий Дмитриевич Дмитриев (настоящая фамилия Эдельман) — известный советский писатель-натуралист. Книга Ю. Дмитриева «Тринадцать чёрных кошек» в 1989 году получила Почётный диплом имени Г.Х. Андерсена.

Вариант № XXX

Портрет

Чтобы нарисовать тебя, я выберу тихое лесное озеро в зеленой камышовой раме и буду ждать, когда настанет светлое сентябрьское утро, и чтобы обязательно пахло мятой и сосновыми иглами. Тогда я примусь за работу.

Сначала я нарисую глаза: для этого у меня в запасе синие кусочки горячего июльского неба.

У корней осины я соберу чёрно-зеленые веточки мха и тихонечко опущу их в воду – это будут твои ресницы и брови.

Губы твои я выложу большими лепестками озёрных лилий, а тонкие стебли их обрисуют овал лица, твой носик и волосы. Чуть не забыл: чтобы оживить лицо, нужен какой-то тёплый оттенок... Я пушу по воде нежно-багряные семена шиповника. Так лучше.

Потом я возьму маленький чистый камешек и осторожно брошу его к верхнему краю рамы: по воде пойдут чуть заметные волны – это будет твоя улыбка.

Картина почти готова.

Добавлю ещё немного щебета лесных птиц, а по углам разбросаю несколько нитей осенней лесной паутины, это придаст картине старинный вид...

Я покину маленькое озеро лишь поздней осенью, когда картина покроется тонким ледяным стеклом, тогда можно будет вздохнуть спокойно.

Весной ты придёшь в лес за подснежниками и увидишь себя в озере. Не удивляйся: «Кто это сделал?».

Это я. Теперь тебе все понятно?

(195 слов)

(По Л. Енгибарову)*

*Леонид Георгиевич Енгибаров (1935-1972) — клоун-мим, выступавший в амплуа «грустный клоун», писатель. Народный артист Армянской ССР. Помимо цирка, выступал с “Вечерами пантомимы” на эстраде.

Вариант № XXX

Грибы – дары леса

Осени без грибов не бывает. В лесах, на лугах, в огородах – везде осенью набирается не менее двадцати видов только съедобных грибов. Самый многочисленный гриб – настоящий осенний опёнок. Во множестве эти грибки повсюду: лепятся по дубовым, ольховым, осиновым, берёзовым пням, по сухим стволам забираются выше нашего роста, прячутся под полегшей, перепутанной травой, под опавшими листьями. Увидел семейство опят – ищи рядом другие. Собирая опёнки, не надо ни помнить, ни соблюдать никаких правил грибной охоты – можно только шляпки резать, можно и с куском пня оторвать всю семью. От этого опёнка в лесу не убудет.

Чуть приподняв над собой бугорок, как в уютном моховом гнезде, прячется молоденький рыжичек. Весь в росных каплях, твёрдый, скользкий. Его, как живого лягушонка, не удержишь в пальцах. Наберется сил, выпрямится, разрывая перепутанную траву. Порвать не удастся – сам себе обломит половинку шляпки и такой ценой освободится.

Из густого зелёного мха торчат разноцветные сыроежки: одни тёмно-красные, другие телесного цвета. Это не летние недотроги-сыроежки, это упругие, крепкие грибки. У них хватает силёнки, чтобы разорвать плотную моховую подушку и вызывающе развернуть яркую шляпку.

Осенние грибы – последний и самый щедрый дар наших лесов.

(182 слова)

(По Л. Семаго)*

*Леонид Леонидович Семаго – писатель-натуралист, педагог. Известен как прозаик, эссеист и телеведущий. Всю жизнь вёл дневники наблюдений, после его смерти их осталось 284. Автор около 150 научных работ.

Вариант № XXX

Родная природа

Бушуют ли зимние свирепые вьюги, гремят ли молодые весенние грозы, зноем ли пышет летнее солнце, — люблю я тебя, родная природа.

Люблю необозримую степную гладь, занесённую сугробами, мутное, низкое небо и тоскливое завывание метели, когда она буйно мечется и плещет холодными волнами в плотные стенки кибитки. Жалобно и прерывисто звенит колокольчик, пристяжные тревожно всхрапывают и жмутся к оглоблям, а ямщик лениво помахивает кнутом и чуть слышно мурлычет: «Не белы-то снежки во поле забелелися...» А вьюга гудит и гудит.

Люблю весенний лепет тенистой рощи, заботливый гам грачей, мечтательные переливы иволги и серебристые трели соловья, поля и степи, одетые цветами, крик коростеля в лугах и звонкую песню жаворонка в высоком, синем небе. Люблю тёплые, долгие зори, кротко и тихо мерцающие в ночном небе, громкие песни, стоном стоящие над ближним селом и заунывным отзвуком замирающие вдали. И мечты, и грёзы...

И жаркое лето люблю я. Люблю, когда под знойным июльским ветерком сонливо шевелится и лепечет ржаное поле, сладострастно млеющее в раскалённом воздухе, а золотистые волны бегут и струятся по нему горячими бликами. Когда назойливо стрекочут кузнечики, редко и лениво перекликаются перепела, в туманной дали дрожит марево...

(184 слова)

(По А. Эртелю)*

*Александр Иванович Эртель (1855–1908) — русский писатель-демократ, просветитель, оригинальный мыслитель, талантливый прозаик. В его лучшем романе "Гарденины" дана широкая картина жизни России восьмидесятых годов XIX века.

Вариант № XXX

Донецкая весна

Из года в год в конце апреля – начале мая в моём городе происходит что-то необыкновенное. Площадь Ленина, бульвар Пушкина, улицы Артёма и Университетская начинают наполняться медово-солнечным светом. Он согревает оживлённую центральную часть города, проникает на окраины, чтобы ознаменовать то новое, что вот-вот случится с каждым из нас. Это долгожданная и такая радостная донецкая весна. В этом году она не спешила, но не прийти не могла.

И вот, когда устали моросить надоедливые дожди, когда небо открылось и вышло солнце, первыми ожили донецкие магнолии. Розоватые, нежно-сиреневые, преисполненные хрупкого очарования, они становятся символом того, что в нашем городе возрождается жизнь. Как будто нет войны, как будто мы не вздрагивали никогда от звуков снарядов, не прислушивались к грохоту артиллерийской дуэли.

Весна торжествует, побеждая зло и неверие, даруя свет и тепло. Совсем скоро по всем улочкам-артериям нашего города пройдут многотысячные живые колонны. Люди преклонного возраста, молодёжь, мальчишки и девчонки встретятся для того, чтобы отпраздновать День Победы.

Согревай же нас, ждущих, любящих и любимых, наконец-то пришедшая весна! Подари каждому горожанину главное – бесконечное, светлое, мирное небо над любимым Донецком, городом-тружеником, лучшим городом на свете. И цветы, пожалуйста, подольше, наша донецкая весна!

(186 слов)

(По М. Панчëхиной)*

*Панчëхина Мария Николаевна – преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Донецкого национального университета, донецкий поэт, автор текста Донецкого диктанта-2017.

Вариант № XXX

Человек

Говорят, люди похожи на реки. Как реки не могут течь, не меняя русла, точно так же и человек не может не двигаться, не менять свой характер. Вот взять хоть бы дерево. Стоит оно на месте, шагу не может ступить, но внутри его, по стволу, круглый год циркулируют животворные соки, нарастают слоями годовые кольца, грубеет кора, а то лопается от морозов, покрывается глубокими, словно шрамы ранений, корявыми трещинами. По весне набухают на ветках почки, разворачивается маслянистый, ярко-зелёный, ещё пахнущий свежестью и душистыми смолами лист. Но и он огрубеет, а после поблётнет, потеряет свежие краски. Потом станет жёлтым, коричневым, затем облетит.

Однако, как бы берёза или дуб ни изменялись, они так и останутся навек берёзой и дубом, а клен — клёном, яблоня — яблоней... Река станет широкой ли, глубокой или вовсе обмелеет, однако вода в ней всё та же. Один лишь человек способен менять свою сущность. Из хищника, дикаря, почти зверя он становится почему-то действительно человеком. Начинает понимать то, чего прежде не понял бы и не принял бы, а со злобой отверг. Набирается разума, опыта, знаний. Учится замечать вокруг себя всё, доселе ему непонятное, очень мудрое, неприметное.

(184 слова)

(По О. Кожуховой)*

*Ольга Константиновна Кожухова (1922—2007) — русская советская писательница, публицист, лауреат Государственной премии. О.К. Кожухова сначала медсестрой, затем политработником, литературным сотрудником армейской газеты прошла боевой путь от Москвы до Эльбы.

Вариант № XXX

«А где у города сердце?»

Каждый день гудит завод. Сначала очень рано, в дремучие три часа ночи, когда дворники, водители трамваев и одинокие пешеходы прощупывают пустынные дикие улицы осторожными шагами и, покорные судьбе и неумолимому рабочему графику, идут навстречу занимающейся заре. Для них первый гудок – ободряющий, дружеский, победный, как пионерский горн. Шестичасовой – демократичный, призванный потолкать тебя в бочок. Если же ты встаешь под семичасовой, то, значит, либо работа у тебя рядом, либо кто-то из семьи уже встал, чтобы взять на себя груз утренних забот (пользуясь случаем, передаём поклон всем мамам и бабушкам). Все прочие гудки нужны, чтобы встряхивать тебя в течение дня и напоминать о том, что время бесценно и быстротечно, но на кофе, дружбу и любовь всегда найдётся минутка.

Слава Богу, что есть наш гудок! Этот биоритм города, звук его огромного тяжёлого сердца, медленно и величественно пульсирующего где-то в недрах теплой материнской земли. Как сердце исполинского кита, которое ежесекундно перегоняет тонны живой крови по тоннелям-сосудам, так гудок рассылает во все концы города крайне необходимый его обитателям сигнал, что жизнь продолжается. «Жизнь продолжается, – поёт гудок, – просыпайтесь, делайте что-нибудь, дышите, танцуйте, пойте! Вы же живые!»

А ведь мы и правда – живые.

(190 слов)

(По А. Фёдоровой)*

*Алиса Фёдорова (Алина Дмитриевна Твердюк) – преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Донецкого национального университета, донецкий писатель, журналист, телеведущий, автор текста Донецкого диктанта-2016.

Вариант № XXX

Певец родной природы

Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её жизнь и воспел её, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина.

Неизвестно, что сделал бы в своей жизни Пришвин, если бы он остался агрономом (это была его первая профессия). Во всяком случае, он вряд ли открыл бы миллионам людей русскую природу как мир тончайшей и светлой поэзии. На это у него просто не хватило бы времени.

Если внимательно прочесть всё написанное Пришвиным, то остаётся убеждение: он не успел рассказать нам и сотой доли того, что превосходно видел и знал.

О Пришвине писать трудно. Сказанное им нужно выписывать в заветные тетрадки, перечитывать, открывая всё новые ценности в каждой строке, уходя в его книги, как мы уходим по едва заветным тропинкам в дремучий лес с его разговором ключей и благоуханием трав, погружаясь в разнообразные мысли и состояния, свойственные этому чистому разумом и сердцем человеку.

Книги Пришвина – это бесконечная радость постоянных открытий. Несколько раз я слышал от людей, только что отложивших прочитанную пришвинскую книгу, одни и те же слова: «Это настоящее колдовство».

(181 слово)

(По К.Г. Паустовскому)*

*Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) — русский советский писатель, классик русской литературы. Член Союза писателей СССР. Во второй половине XX века повести и рассказы К.Г. Паустовского вошли в школьную как один из сюжетных и стилистических образцов пейзажной и лирической прозы.

Вариант № XXX

Мужские слёзы

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку:

– Прощай, браток, счастливо тебе!

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменял рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы. Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.

С тяжелой грустью смотрел я им вслед. Может быть, всё и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

(179 слов)

(По М. А. Шолохову)*

*Михаи́л Алекса́ндрович Шо́лохов (1905 – 1984) — русский советский писатель и киносценарист, журналист, военный корреспондент. Лауреат Нобелевской премии по литературе, Сталинской премии, Ленинской премии. Действительный член АН СССР. Самые известные произведения: «Донские рассказы», романы «Тихий Дон», «Они сражались за Родину», рассказ «Судьба человека».

Вариант № XXX

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала подкрадываться, как бы зачужив перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда, так как ветер сильно качал берёзы аллеи. Воробей сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед её мордой и с отчаянным и жалким писком прыгнул в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собой своё детище, но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голос одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке.

Мой Трезор остановился, попятился. Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговая.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

(187 слов)

(По И.С. Тургеневу)*

*Иван Сергеевич Тургёнев (1818—1883) — русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, переводчик. Один из классиков русской литературы, внёсших наиболее значительный вклад в её развитие во второй половине XIX века. Член-корреспондент императорской Академии наук по разряду русского языка и словесности, почётный доктор Оксфордского университета, почётный член Московского университета.

Вариант № XXX

Скрипач

Старый скрипач любил играть у подножия памятника Пушкину. Этот памятник стоял в Москве, в начале Тверского бульвара. Поднявшись по ступеням к пьедесталу, старый музыкант обращался лицом к дальним Никитским воротам и трогал смычком струны на скрипке. У памятника сейчас же собирались дети, прохожие. Все они умолкали в ожидании музыки, потому что музыка утешает людей, обещает им счастье и славную жизнь. Футляр от своей скрипки музыкант клал на землю против памятника, он был закрыт. В нём лежал кусок чёрного хлеба и яблоко, чтобы можно было поесть, когда захочется.

Обыкновенно старик выходил играть под вечер. Он скучал от мысли, что не приносит людям никакого добра, поэтому добровольно ходил играть на бульвар. Там звуки его скрипки раздавались в воздухе и хоть изредка доходили до глубины человеческого сердца, трогая его нежной и мужественной силой. Некоторые слушатели музыки вынимали деньги, чтобы подарить их старику, но не знали, куда их положить: футляр от скрипки был закрыт, а сам музыкант находился высоко на подножии памятника, почти рядом с Пушкиным.

Уходил скрипач домой поздно, иногда уже в полночь, когда публики становилось меньше и лишь какой-нибудь случайный одинокий человек слушал его музыку.

(184 слова)

(По А. Платонову)*

*Андрей Платонов (Андрей Платонович Климентов; 1899-1951) — русский советский писатель, поэт и публицист, драматург, киносценарист, журналист, военный корреспондент. Самые значительные произведения — повесть «Котлован» и роман «Чевенгур».

Вариант № XXX

Портрет матери

Я тотчас увидела этот портрет, зайдя в мастерскую художника.

Из сумрака госпитального коридора, скупо освещенного матовой лампой, выступала женщина в белом халате. Она смотрела прямо, будто всматривалась в вас. Тяжёлые тени бессонниц, заострившие черты лица, коротко остриженные густые волосы. И всё-таки, словно вопреки всей внешней суровости этого облика, вопреки его отрешенности от всяких земных радостей, пробивалось в этом лице обаяние трогательной женственности и человечности. Из глубины прошлого всматривается в наши глаза эта женщина, сумевшая взять на себя непосильную ношу и вынести её, выстоять, победить.

Художник написал свою мать не такой, какой она была в последние годы. И не такой, какой запомнил в детстве: молодой, красивой, окруженной дружной семьёй, в которой росло шестеро сыновей. Он написал её в годы, когда вслед за безвременной горькой потерей мужа выпала ей в войну разлука с детьми, когда легла на неё, главного врача госпиталя, ответственность за сотни раненых.

Иногда о скромных людях, мало отличающихся от окружающих в обычной жизни, узнаёшь такие поразительные подробности, что диву даёшься и задумываешься, на что способен человек, вроде бы не похожий на того романтического героя, которого привыкло создавать воображение.

(181 слово)

(По И. Преловской)*

*Инга Преловская – журналист, ведет с читателями разговор о подлинных ценностях в жизни молодого человека, о его гражданском и нравственном самоопределении. Эти сложные и волнующие проблемы автор раскрывает на судьбах людей в их драматических и счастливых поворотах.

Вариант № XXX

Память истории

Память – наша история. Каким будет взгляд на неё ребенка, таким будет наш завтрашний день. Стерев прошлое, мы стираем будущее. Конечно, история войны писалась кровью, и чем дальше уходит время, тем спокойнее будут воспринимать люди, в том числе дети, жесточайшие её факты. Но никогда не должны они перестать волноваться, узнавая о них.

Каждый человек хранит в памяти какой-то момент своей жизни, который кажется ему вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. С этими воспоминаниями всегда связаны открытия в самом себе и в других людях. Война живет в душе переживших её такими воспоминаниями, и они никогда не смогут забыть, что родились когда-то.

По-моему, помнить историю своего народа нужно не только потому, что память сохраняет человеческое достоинство, но и чтобы видеть смысл своей жизни, чтобы не быть одиноким и беспомощным. Поэтому войну будут помнить, писать о ней, как стремились сохранить в летописях наши предки все детали древней истории, – это необходимо человеку, чтобы оправдать своё существование на земле. Память истории – это самоутверждение человека, поэтому и через сто лет школьники с гордостью и волнением будут писать о своём прадеде, который был фронтовиком.

(179 слов)

(По Е. Линду)*

*Евгений Алексеевич Линд – педагог, основатель музея «А музы не молчали», автор книги «Седьмая» (о Седьмой симфонии Д. Шостаковича).

Вариант № XXX

Содружество

Терраса дома была засыпана снегом. Я постоял, дыша холодком зимы. Почти в ту же минуту на перила террасы слетел воробей, и я узнал хроменького воробья, который пробуждал во мне жалость и которого мне всегда хотелось чем-нибудь подкормить. В кармане у меня было печенье. Я раскрошил одно, радуясь, что могу доставить воробью хоть несколько приятных минут, и надеясь, что смогу завоевать его расположение. Всё-таки в каждом живом существе, если оно чувствует заботу о нём, возникает то, что на человеческом языке называется признательностью.

Воробей, однако, не стал клевать, посмотрел издали на раскрошенное печенье, вдруг снялся и улетел, словно на что-то обиделся. Я постоял ещё на террасе, подышал воздухом, полным студёной прелести, и хотел уже вернуться в дом, как вдруг откуда-то налетели воробьи. Я понял, что эту роту или даже батальон привёл хроменький, сообщив, что на перилах террасы есть чем подкормиться. Воробьи шумно, нисколько не боясь меня, стали склёвывать крошки, а хроменькому почти ничего не досталось. Он подал пример нам, людям, лишний раз напомнив, что даже драчливые воробьи, которые, казалось бы, только и ищут повода, чтобы поссориться, сильны своим содружеством.

(178 слов)

(По В. Лидину)*

*Владимир Германович Лидин (настоящая фамилия Гомберг; 1894-1979) — русский советский писатель, библиофил.

Вариант № XXX

Рябина

Осенью, когда похолодает, река светла до дна, лесные опушки просвечивают насквозь, на мокрой от росы траве посверкивает паутина, в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток. Из всех перелесков выдвигаются на передний план нарядные рябины, увешанные гроздьями: вот они мы, не проглядите, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглаживает, ерошит сверху донизу, и птицы на каждой ветке угощаются, перелетая с одной золотой вершины на другую. Рябины стоят себе, чуть покачиваясь, и любят сами собой.

Хлынет дождь — и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей, капелька за капелькой. Ягоды красные, и капли красные. Где висела одна ягода, сейчас их две, и обе живые. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу.

Всё, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и неожиданно для себя, как после долгого отъезда, увидишь всю эту красоту в удивительно чистом, завораживающем сиянии. Увидишь, как в первый раз, всё заново и радуешься за себя, что увидел. Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя. Вот она какая, наша рябина!

(176 слов)

(По А. Яшину)*

*Алекса́ндр Яковлеви́ч Яшин (настоящая фамилия Попов; 1913-1968) — русский советский прозаик и поэт, журналист, военный корреспондент. Лауреат литературной премии. Награждён орденом Красной Звезды.

Вариант № XXX

О языке и не только

Говорят, наши пороки – продолжение наших добродетелей. В этом случае такая добродетель, как язык, имеет весьма пышное продолжение. По крайней мере, больше усилий тратится, чтобы заставить его замолчать, нежели на то, чтобы поощрить его к разговору. Допустим, кого-то тянут за язык, с кем-то находят общий язык. А всё остальное – призыв к молчанию. Тут надо и прикусить язык, и придержать язык, и проглотить язык – в особо опасных случаях. Рекомендуется держать язык на привязи, а проще говоря – за зубами. В противном случае – тут тебе и пожелание типуна на язык, и совет языку отсохнуть, и сожаление, что язык без костей. Дело, впрочем, не ограничивается одними пожеланиями. Совершается немало решительных действий, чтобы не дать языку заговорить: и наступают на язык, и укорачивают язык, и стараются не дать языку воли. Потому что считается, что язык наш – враг наш, что он страшнее пистолета, что он длинный, что он злой и вообще плохо подвешен.

О добрых языках почему-то в народе умалчивают. Говорят только о злых языках. И даже Слово, великое, всемогущее Слово считают всего лишь серебром, в то время как Молчание считают Золотом.

(180 слов)

(По Ф. Кривину)*

*Феликс Давидович Кривин (1928-2016) — русский писатель, поэт, прозаик, автор интеллектуальных юмористических произведений, несколько сборников миниатюр и притч, сценарист.